

ния происходят во всех элементах, составляющих культуру, — в политике, в этике, в науке и искусстве... Учение Иисуса Христа сумело соединить желание людей измениться, достичь идеала духовной жизни, стремиться к нему и не достигать его. В этом кроется одна из причин «живучести» христианства. Другая — заключена в универсальном характере христианской религии. До тех пор пока будут актуальны идеи справедливости, братства, самоотверженного служения, вера в конечную победу добра и ценность человеческой личности, будет существовать христианская культура.

Н. В. Цыганенко
А. А. Удоенко
С. П. Парамонова
г. Барнаул — Пермь

РЕЛИГИОЗНОСТЬ КАК ПРОЦЕСС САКРАЛИЗАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ

Наука и рациональность имеют пределы, та часть, которую они не могут объяснить, заполняется религиозными верованиями и мистицизмом. В период надвигающейся на мир неопределенности и предсказываемого социального хаоса «открытого общества», о чем предупреждают такие известные политологи, как И. Валлерстайн, Ф. Фукуяма, Г. Хантингтон, А. С. Панарин, необходим анализ духовных процессов, идущих в обществе. В этих условиях человек вынужден искать защиты в различных социальных институтах: малых группах, в религиозных общинах, всевозможных меньшинствах. В качестве одной из таких институциональных единиц актуально рассмотрение социального института религии. Актуальность проблемы определяется сменой знака в отношении религии на общественно-политическом уровне и возрастающим влиянием религии на всю социальную систему, на сознание и деятельность людей.

Основным противоречием исследовательского поля проблемы является противоречие между потребностью в адекватном понимании религиозной ситуации и недостаточным объемом социально-философских знаний об этой сфере духовной жизни общества. Социальный заказ видится в возможном потенциале религии в гармонизации социальных процессов. Научный заказ определяется потребностью в социально-философских концепциях, объясняющих реалии новой России.

Среди определений религии можно выделить следующие: а) реалистическое — формула «священного», выходящего за преде-

лы эмпирического опыта; б) субстанциональное, содержащее борьбу идеалистической и материалистической линии в определении, что есть религия; в) функциональное, определяющие мировоззренческие, идеологические и этические конструкты религии, с помощью которых люди решают предельные вопросы жизни: несправедливости, болезни, смерти.

Не вдаваясь в подробную критику каждой классификации, отметим лишь уязвимость функционального подхода: факт верования в ущерб сущности Бога снимает вопрос о дефиниции религии, поскольку здесь сущность и ценность Бога подменяется ценностью и сущностью человека, его свободой и достоинством. Распространение в западноевропейской культуре безрелигиозного гуманизма порождает тенденцию к нормативным подходам, десакрализация от религиозного к светскому вектору порождает алармистский (критический) и либеральный (апологетический) подходы.

В социологическом аспекте анализа переход мировоззрения от религиозности к секуляризации понимался, в частности Т. Парсонсом и Р. Белла, как трансформация форм религиозности. Поскольку в культурном багаже ХХI века усиливается влияние религии, как формы самозащиты от стихийных сил общества, постольку формально-логические дефиниции не отражают сложности вновь воспроизводящейся «идеациональности», по П. А. Сорокину. В таком случае предлагаются интегративные «пятимерно-континуумные определения» религии, например И. Н. Яблоковым: 1) необходимо возникающий аспект существования человека, 2) способ выражения человеческого самоотчуждения, 3) отражение действительности, 4) общественная подсистема, 5) феномен культуры.

Следует заметить, что интегративные определения религии также не устранили сложившегося в науке противоречия: антиномий номинализма и реализма; субстанциализма и функционализма, либерального и алармистского направлений. Эти направления имеют равноправное хождение, а эмпирически фиксируемое в социологии поведение обычно трактуется в рамках той системы, которая позволяет прочесть смысл, заключенный в поступке. Единственным способом объединить теоретическое и эмпирическое знание становится институциональный подход в исследовании религиозности.

Советские ученые исходили из понимания религии как ложного мировоззрения, проявляли интерес преимущественно к гносеологической природе религии — убеждениям, взглядам, представлениям, а потребности в религии представляли как иллюзорные. Религиозную потребность можно отнести к духовным в силу того,

что она действует как побудительная сила создания особых трансцендентных ценностей. Это трансцендентное принимает форму Абсолюта и почитается как священное. Сакральным смыслом наделяются смысложизненные ценности, не соблюдая которых, люди утратили бы людской облик. Таким образом, институт религии выполняет лишь ему свойственную функцию сакрализации ценностей.

Понимание М. Вебером социальной роли религии в связи с его прогнозом дальнейшего нарастания рационализации общества, а следовательно, и снижения фактора религии в жизни общества не абсолютно для всех обществ. Можно отметить, что рациональность — специфика западноевропейской цивилизации, а для приоритета духовности в российской цивилизации рационально-теоретические доводы оказываются вторичными.

Т. Парсонс рассматривает религию как особый тип моральной санкции, не просто следование образцам, а как приверженность ценностям.

Понятие «социальный институт религии» и «религиозность личности», казалось бы, выступают как неравновесные по значимости категории. Однако здесь содержится возможность удержать в единстве общее, особенное и единичное религии как формы общественного бытия и общественного сознания: конфессионального (ритуализированного), религиозного (интимного) и религиоподобного (культы как светской формы религии).

По мнению одних авторов, религия — превращенная форма преодоления отчуждения. Исходя из марксистской парадигмы, лишь овладение природными и социальными силами, реальное самоуправление, есть подлинная, а не превращенная форма преодоления отчуждения. Сторонниками религии как значимой формы гармонизации отношений в обществе берется под сомнение принцип детерминизма, о том, что массовидные явления «общественного сознания», иных социальных институтов прямо переносятся на сознание и поведение индивида. Религия воспроизводит отношения отчуждения и в то же время, по мнению сторонников значимой роли религии в обществе, выступает в качестве способа их преодоления.

Для того чтобы преодолеть односторонность гносеологизма в объяснении ролевой трактовки интеракций индивидов в институте религии, выход из тупика видится в соотношении двух аспектов в институте религии: религиозного сознания и поведения. Религиозная социализация представляет собой двуединный процесс: симбиоз социализации и десоциализации субъекта. Связующим звеном между институтом религии и религиозностью является рели-

гиозная социализация. Приверженность религиозным нормам акцентирует внимание на объективной стороне религиозности, а религиозная социализация — на субъективной стороне религиозности. Социализацию как совокупность институтов и лиц, формирующих становление личности, можно рассматривать как путь исследования факторов религиозной социализации личности. В качестве микросреды выступает семья, в качестве мезосреды — национальная общность, в качестве макросреды — общество как социокультурная система.

В природу религиозности входит целый комплекс психологических, мифологических, философских, социологических и культурных элементов. В социологической литературе религиозность фиксируется и измеряется с помощью ряда таких показателей, как «уровень», «степень», «состояние», «характер». Количественной характеристикой религиозности является доля верующих в массе населения, которая определяет высокий, низкий и средний уровень религиозности.

Степень институциональности религиозности часто отождествляется со степенью воцерковленности, однако это лишь показатель культовой активности, внешней стороны религиозности. Институциональная воцерковленность — более широкое понятие, включающее в себя комплекс показателей и религиозного сознания, и религиозного поведения. Чем ближе эти показатели оказываются к канонам традиционного вероисповедания, тем выше степень институционализации религиозности. Канонический «идеальный тип» — это эталон институциональной религиозности. Акцент в исследовании религиозности необходимо делать на ее объективной стороне — ее реализации в поведении.

Американские исследователи Ч. Глок и Р. Старк предлагают «многомерную модель религиозности», включающую следующие элементы: 1 — религиозный опыт, осознание связи с Богом, экстаз или мистика, 2 — собственно религиозная вера, 3 — культ, 4 — знание религии, 5 — степень религиозной мотивации нерелигиозного поведения. Советский исследователь религиозности А. И. Демьянов выделил три элемента 1 — представления (интеллектуальный элемент, 2 — действия (поведенческий элемент), 3 — настроения (эмоциональный элемент).

Религиозность можно квантифицировать на культовое и внекультовое поведение. Цель культовых действий и поступков — обрести духовное очищение, защиту, поддержку, надежду. К видам культового поведения отнесем совершение молитв, посещение богослужений, выполнение религиозных обрядов и предписаний, уча-

ствие в религиозных праздниках, соблюдение постов и прочих ритуалов. Внекультовое поведение предполагает совершение религиозно мотивированных действий и поступков в не собственно религиозной сфере — это чтение религиозной литературы и периодики, воспитание детей в религиозном духе, ориентация на религиозные нормы и заповеди в повседневной жизни, обсуждение вопросов, касающихся религии и церкви, совершение поступков, направленных на распространение и защиту религии в обществе: разработка, преподавание и пропаганда религиозных идей, миссионерская деятельность, содействие религиозным организациям, оказание им материальной и иной помощи.

Обычно типологии отношения к религии выделяют верующих и атеистов. Триади́чная типология включает еще колеблющихся. Д. М. Угринович выделяет шесть типов религиозности: глубоко верующих, верующих, колеблющихся, индифферентных, пассивных атеистов, активных атеистов.

Религия как социальное образование может существовать лишь при наличии ее носителя — религиозной личности. Критерии религиозности населения можно определять через следующий комплекс эмпирических референтов: самоидентификацию, глубину религиозной веры, культовую активность, следование религиозным предписаниям в повседневной жизнедеятельности.

Подобно тому как обрушилась под натиском атеизма всеобщая православная религиозность (согласно переписи 1895 г., 90 % населения России были православными), также быстро рухнул атеизм под натиском идейной эклектики. Сегодня для описания религиозности в обществе уже не подойдет выражение «религиозное возрождение», с помощью которого характеризовали религиозную ситуацию в России 1988—1996 гг. Мы имеем дело с остаточными последствиями религиозного бума. Этот бум оставил после себя два последствия: разрушенный атеизм и расширенную социальную базу религии. Религиозная идея, однако, не находит реального воплощения в соблюдении норм религиозной морали и нравственности.

Крупные и малые города интенсивнее вовлечены в реинституционализацию религии, в селе этот процесс замедлен. Веру в Бога теснит вера в астрологию, а вера в НЛО и инопланетян заметно опережает веру в Христа. Как прежде волна атеизма шла из городов в села, так и в настоящем религиозноподобные новации исходят из города. Господствует стихия оккультного рынка и разного рода «духовных» миссионеров. Произошла девальвация и религиозной веры, и атеизма вследствие их «засоренности» мистикой.